

Немирович-Данченко Василий Иванович

Подневольные странники

Том 1

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
В19

В19 **Василий Иванович Н.**
Подневольные странники: Том 1 / Немирович-Данченко Василий Иванович – М.: Книга
по Требованию, 2023. – 381 с.

ISBN 978-5-519-98986-2

Содержание: Морская драма; У плеса; Как они сошлись опять; Из окна в окно; Любить
- прощать; С лямки; Целовальничиха; Сельский чиновник; Мироед; Случайная встреча
и др

ISBN 978-5-519-98986-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Флагъ угрюмо повисъ вдоль мачты. На палубѣ, привольно раскинувшись, спятъ матросы, заложивъ руки подъ головы. Одинъ изъ нихъ взмогся на свернутый канатъ и, снявъ рубаху, чинить на ней прорѣхи, сквозь которыя еще недавно сквозило его загорѣлое сильное тѣло. Лучи солнца щедро обливаютъ свѣтомъ и зноемъ *) широкія, словно вылитыя изъ бронзы, плечи, грудь и спину, могучія, крѣпкія, выносливыя. Курчавая, черная голова вся охвачена зноемъ и блескомъ. Другой завернулся въ старый парусъ, изъ-подъ котораго только и виднѣются ободранные сапоги спящаго.

Юркій зукъ **) взмогся на верхушку мачты и зорко оглядываетъ оттуда морскую даль, напѣвая сквозь зубы плясовую пѣсню и безопасно болтая ногами.

А день разгорается все жарче и жарче. Солнце стало на срединѣ неба и замерло въ собственномъ зноѣ.

Какъ все покойно и тихо! Вотъ у самой шкуны

*) Зной, бывающій лѣтомъ въ сѣверныхъ моряхъ—вовсе не исключительное явленіе. Пахтусовъ говоритъ, что въ одну изъ своихъ экспедицій къ берегамъ Новой Земли онъ не зналъ, куда дѣваться отъ зноя. Такія же свѣдѣнія смотри у Свенске (Новая Земля).

**) *Зукъ* — мальчикъ, взятый на промыселъ, для помощи взрослымъ. Молодое поколѣніе поморья ежегодно отправляется въ промысловыми партіями на Мурманъ и Терскій берегъ, гдѣ оно приучается къ трудамъ рыболова и охотника.

мелькнула золотистая чешуя, на одно мгновение сверкнулъ на солнцѣ розовый хвостъ шаловливой рыбы, и высоко, словно алмазный дождь, полетѣли вверхъ крупныя брызги.

Какъ все покойно и тихо! Вотъ, медленно кружась, плавно опустилась бѣлая чайка и вьется вокругъ равнодушнаго зуйка, навѣвая на него прохладу широкими взмахами крупныхъ крыльевъ.

— Отстань, еретикъ! пустилъ сквозь зубы мальчонко и отмахнулся.

Послышался рѣзкій крикъ, и чайка низко, низко полетѣла надъ водою. Движенія ея стали медленнѣе, и вдругъ, клюнувъ въ воду, она стрѣлою поднялась вверхъ съ небольшимъ головнемъ, кольцомъ извивавшимся въ острыхъ когтяхъ безпощаднаго хищника.

Издали на сверкающей глади моря показалась какая-то темная масса, медленно двигавшаяся впередъ. Мальчонко зорко сталъ осматриваться туда и замеръ. Масса ползла, едва колыхаясь.

— Братцы, вставай! заоралъ звукъ.

— Что почудилось? навѣвая рубаху, спросилъ бронзовый атлетъ. Другіе, едва шевельнувшись, полураскрыли глаза и снова заснули, лѣнливо всхрапывая подъ скрипъ натянутаго у мачты каната.

— Китъ!

— Эва, у берега китъ!

— Вонъ, дядя, гли-ко-сь!..

Матросъ медленно всталъ и, приложивъ ладонь,

къ глазамъ, сталъ пристально всматриваться въ плывшій прямо на шкуну предметъ. Море блистало передъ нимъ, какъ разлитая масса расплавленного серебра. Темная полоса показалась ближе.

— Китъ! Зукъ и впрямь зуекъ! Эвона, какіе киты ноне ходятъ,

— А то что? пискнулъ мальчонко сверху.

— Дерево, дурья голова!..

Китъ оказался толстымъ стволомъ огромной лиственницы, ровной и гладкой, вынесенной въ океанъ какою нибудь изъ громадныхъ рѣкъ съвера и проплывшей тысячи миль въ пустынныхъ водахъ, до встрѣчи съ одинокою поморскою шкуной.

— Слѣзай-ко, Митюшка, глаза-то у тебя, что попова собака—на деревья лаютъ.

— Ладно, пробурчалъ зуекъ и тихо сползъ на палубу.

— Чтожъ ты не ймешь кита? Ты бы за хвостъ его, шельму, потѣшался атлетъ, ласково гляди по круглой бѣловолосой головѣ. Ой ты охотникъ. И впрямь охотникъ... Ничего, Митюшка, не сокрушайся. Гляди лучше — обыкнешь. Окіанъ-море—не бабкинъ подолъ, въ полудень не узнаешь. Погоди, вырастешь—самъ шкуну водить ставнешь.

— Я, дядя, на праходъ пойду.

— На праходъ?.. Ишь ты какой у меня мальчонко. Кочегаромъ, што ли? А то шхиперомъ или каптиномъ?

Лиственница тихо проплыла мимо шкуны, чуть не задѣвъ ее толстымъ обугленнымъ стволомъ. На суднѣ снова все успокоилось. Зубекъ улегся и, закинувъ руки подъ голову, безсознательно засмотрѣлся въ голубую высь. Гдѣ-то просачивалась вода, отзывчиво журча и переливаясь тонкими, почти дискантовыми нотками. Натянутый канатъ тихо поскрипывалъ надъ спавшими, да слышался тотъ однообразный гулъ, который и опредѣлить трудно. Въ ушахъ ли рождаются и замираютъ эти загадочные звуки — или стонетъ море подъ зноемъ и свѣтомъ...

Штиль...

* *
* *

Солнце мало-по-малу опускалось. Небесная высь гуще синѣла надъ потемнѣвшимъ моремъ. Снова съ запада потянуло легкимъ попутничкомъ. Сначала по безконечной глади прошла мелкая, словно зернистая рябь, потомъ выше и выше заколыхались струйки, съ звучнымъ ропотомъ набѣгая на темный бортъ шкуны. Вотъ онѣ растутъ и растутъ. Чу, первый валъ колыхнулъ судно и разбился объ него въ бѣлую пѣну. За нимъ другой, третій. Вотъ кое-гдѣ змѣятся уже серебристые гребни, еще минута — и весь безбрежный просторъ льется въ невѣдомую даль тягучими, плавно вздымающимися хребтами.

— Парусъ! крикнулъ молодой парень, лѣтъ двадцати-трехъ, съ открытымъ, смѣлымъ выраженіемъ честнаго и красиваго лица. Парусъ!..

Бѣлая полоса холста мгновенно развилась и надулась. Шкуну слегка накренило. Еще два или три толчка вправо или влево, и вдругъ, дрогнувъ всѣмъ корпусомъ, судно ринулось впередъ, на перегонку съ набѣгавшими на него отовсюду волнами. Флагъ заколыхался по вѣтру, то плещась по мачтѣ, то граціозно и плавно извиваясь въ воздухѣ.

— Богъ даетъ погоду, братцы, обратился молодой парень къ матросамъ.

— Коли-бъ не сувой *) у Сосновца **), — такъ хоть спать ложись.

— Сѣдни не донесетъ къ Сосновцу!

— Чего не донесетъ. Вѣтеръ крѣпчаетъ. Ишь, парусокъ-отъ какъ надуло. Добрый конь, парусокъ-отъ. Какія сани тащить.

— Добрый, добрый. Главное овса, да сѣна ему не требуется.

— Заплатами живетъ. — Острили матросы.

— Гли-ко-сь, Митюшка на вздыбкѣ треплется.

Зуекъ взобрался снова на верхушку мачты и, смѣло перекрестивъ ноги, оралъ во все горло какую-то удалую пѣсню. Ему, повидимому, доставляло необыкновенное удовольствіе сидѣть на небольшой балясинѣ, лицомъ къ лицу съ порывистымъ западникомъ, словно изъ всѣхъ силъ

*) Сувой — толчея, морской водоворотъ.

**) Сосновецъ — островъ, опаснѣйшее мѣсто для судовъ и пароходовъ, плавающихъ въ сѣверныхъ моряхъ.

старавшимся сорвать внизъ лихаго мальчонку. Шляпенка его давно сорвалась и запуталась въ переплетѣ толстыхъ канатовъ. Бѣлесоватые волосы развѣвались по вѣтру, то относясь назадъ, то захлестывая ему лицо. Глаза, отважно глядѣвшіе въ безоблачную даль, сіяли совершенно недѣтскою энергіей и силой.

— Митюшка, чортъ! Ползи внизъ, заоралъ на него бронзовый атлетъ.

— Чп-пво?..

— Ступай внизъ, шельма.

— Не хо-чу!..

— Сейчасъ ступай сюда.

— Я, дянька, не долго...

Ужъ и куда же ты, корабликъ, плывешь,
Ужъ и куда же ты, родимый, плывешь?
Я плыву, плыву въ богатый край,
Въ чужедальную лихую сторонушку...

Оралъ онъ, словно стараясь перекричать вѣтеръ.

— Эко дьяволъ. Митюшка, аль линька захотѣлось?.. И матросъ полѣзъ на мачту за пѣвцомъ. Зукъ въ одно мгновеніе повисъ на рукахъ и, раза два качнувшись, быстро прыгнулъ на толстый канатъ.

Спустя минуту, онъ уже возился по палубѣ, потѣшая экипажъ бойкими отвѣтами и дѣтскимъ задоромъ.

* *
*

Солнце величаво исчезло за горизонтомъ. Алая кайма охватила западъ, нѣжный розовый блескъ

облилъ и синеву чистаго, безоблачнаго неба, и волнующуюся гладь океана. Казалось, волны колыхались и трепетали въ волшебномъ розовомъ сіяніи, изливавшемся оттуда, изъ того далекаго края, гдѣ послѣдніе отблески дня медленно гасли и блекли, ярко оттѣняя ровную черту морскаго простора отъ лазурнаго купола, опрокинувшагося надъ нимъ. Въ эти мгновенія благоговѣйное чувство царить въ душѣ одинокаго путника, окруженнаго со всѣхъ сторонъ неоглядною далью Сѣвернаго моря. Громаднымъ, необъятнымъ храмомъ кажутся ему и это море, и это небо. На западѣ, въ преддверіи таинственнаго алтаря, невидимый и неслышимый пастырь медленно возноситъ безкровную жертву; волны замерли, слушая его тихую молитву,—а въ душѣ человѣка растутъ и растутъ дивныя гимны, которымъ нѣтъ слова и образа.

Такъ утомленный пилигримъ, падая отъ изнеможенія, останавливается на порогѣ храма, къ которому онъ стремился, и съ блаженною благоговѣйною радостію внимаетъ торжественному слову истины, вѣщаемой ему оттуда.

Чувство покоя проникаетъ въ душу, словно и въ ней самой свѣтитъ такая же алая заря, кидаѣ въ ея бездонныя, темныя бездны всеозаряющее сіяніе любви и мира.

А парусъ все уноситъ вдаль одинокую шкуну. Вотъ розовая полоска сѣузилась и пожелтѣла. Небосклонъ словно поблекъ и погасъ. Еще нѣсколько времени, и надъ моремъ повисъ день безъ солнца,

ночь безъ тьмы. Утренніе сумерки болѣе теплыхъ странъ, когда туманы вздымаются надъ землею и, цѣпляясь за вѣтви высокихъ деревьевъ, уносятся все выше и выше, когда блѣдный день еще до зари вступаетъ въ свои права, когда зелень еще не сверкаетъ изумруднымъ блескомъ, а струи рѣки не отливаются золотисто-розовыми искрами — такъ похожи на полярную лѣтнюю ночь. Это улыбка спящей красавицы, улыбка, слабо озаряющая ея прелестное лицо въ то время, какъ чудныя лучистыя очи, придающія ему жизнь и яркость, закрыты и только длинныя рѣсницы тонко отбѣиваютъ ея поблѣднѣвшія ланиты...

Въ этомъ царствѣ сумеречнаго безсолнечнаго дня, въ этой области бѣлой беззвѣздной ночи, лишенной тьмы, тихо плыветъ одинокая шкуна, разрывая волны острымъ и влажнымъ носомъ. Вахтенный уныло бродитъ съ конца въ конецъ по палубѣ, напѣвая тихую пѣсню, звуки которой какъ-то гармонично сливаются съ отдаленнымъ гуломъ и плескомъ набѣгающихъ волнъ...

* *

— Что, небось, выползъ на вѣтеръ? встрѣтилъ вахтенный небольшого матросика, вышедшаго на корму.

— Не пора-то спится.

— Не пора-то! Ашшо бы ты цѣлый день на солнцѣ, что твой лысунъ *) дрыхнулъ.

*) *Лысакъ* или *лысунъ* — совершенно лѣтній самецъ тюлень. Самка его называется утельга.

- Далеко-ль до утрея?.
- Наспиши. Фатить времечка-то.
- Слышь, Ванюшка, ты которой годъ покрутомъ бродишь?
- Семой.
- И все съ этимъ хозяиномъ?
- Нна! хозяинъ-то нашъ годовъ шесть назадъ самъ въ покрутахъ былъ.
- Нну?!
- Чего нну! Вмѣстѣ въ Норвегу плавали—знаю. И покрутъ-отъ плохенькій былъ. Работащій-то работащій—да не веселъ все...
- Какъ же этто изъ покрутовъ, въ хозяева произошолъ?
- Себя соблюлъ. Контрабандой промыслялъ. Главное Сенька Безпалый—водки не пьетъ, табакомъ не занимается. Деньги-то у него въ карманѣ и остаются. Нашъ братъ съ промысла голышомъ ворочается—а онъ съ деньгами. Дай Богъ памяти! Второй годъ, какъ я въ покрученники пошолъ, такъ съ этимъ Сенькой и спознался. Славный парень былъ. Разъ этто мы съ нимъ въ Гавриловскомъ становищѣ, на Мурманѣ, треску промыслили, ярусами *). Ночка осенняя лазоревымъ

*) *Ярусъ*—снарядъ, употребляемый для ловли трески, палтусны, пикшусы, сайбы, морскихъ налимовъ и щукъ. Онъ состоитъ изъ веревки, состоящей изъ 20—40 туюковъ; каждый изъ послѣднихъ заключаетъ три стоянки, т. е. веревочки въ 45 сажень, съ привязанными къ нимъ чрезъ двѣ сажени подласками

свѣтомъ такъ и теплилась, словно дитя ласковое на тебя улыбаючись смотреть. Выѣхали мы этта съ Сенькой ярусъ снимать. На одномъ карбасѣ плыли. Гляжу, не веселъ мой Сенька. Потупился и молчить. Я было и пѣсню запѣлъ, да на первомъ припѣвѣ и оборвался. Сталъ шутики шутить — а онъ еще и того пуще. Примолкъ и я. Мѣсяцъ надъ нами поднялся, каждую рябину на морѣ золотую искрой засвѣтилъ. Хорошо было.... Долго этто молчали мы. Не говорилось. Словно душа въ тебѣ ушла куда-то... Быль старая такъ и ныла на сердцѣ. Глядь, поглядь, а у Сеньки изъ глазъ слезы такъ и брызжутъ.

— Ополоумѣлъ, что ли? спрашиваю, а у самого грудь защемило.

— Ничего. Отойдетъ! говорить.

Раскидываю я умомъ и туда и сюда. О чомъ малому кручиниться? Ни у него родни, ни у него любезной. Великимъ постникомъ у насъ Сенька считался. Этта, чтобъ съ дѣвками пошалить, а то въ кабакъ—ни Боже мой! Сидимъ мы этта часъ; ночь, что дальше, то пуще разгарается. Звѣзды крупныя, крупныя, словно просыпались по небу, такъ и блестятъ надъ нами, отливаются.... За кормой слѣдокъ-отъ по водѣ—точно камень самоцвѣтное блеститъ. Далеко должно быть кто

(оростяги). Къ послѣднимъ прикрѣпляются крючки (уды). Въ полномъ составѣ ярусъ бываетъ—2.700, и даже 5.000 саженьямъ; къ концамъ и по срединѣ привязывается якорь и буй или кубась.